

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

УДК 371

В. Б. Помелов

СВЯЩЕННИК И ПРОСВЕТИТЕЛЬ НЕРУССКИХ НАРОДОВ Н. И. ИЛЬМИНСКИЙ

К 200-летию со дня рождения великого педагога

Аннотация. Просветительство является важной частью истории образования. Цель статьи заключается во всестороннем раскрытии деятельности и личности великого просветителя нерусских народов второй половины XIX в. Николая Ивановича Ильминского, разработавшего систему обучения нерусских детей, основными компонентами которой были обучение сначала на их родном языке с постепенным переходом на русский язык, открытие национальных школ, подготовка учителей из среды «инородцев» и издание соответствующей методической литературы. Ильминский подготовил целую плеяду национальной интеллигенции, стал инициатором открытия школ, предназначенных для представителей средневожских народов. Научная новизна исследования заключается в анализе методических воззрений Ильминского, которые получили плодотворное развитие в последующие десятилетия. Основной вывод исследования состоит в том, что методическое наследие Ильминского нуждается в дальнейшем изучении с целью практического применения в современных условиях.

Ключевые слова: Российская империя, просвещение нерусских народов, Братство во имя Святителя Гурия, Н. И. Ильминский, система просвещения детей средневожских народов, В. Т. Тимофеев.

V. B. Pomelov

PRIEST AND EDUCATOR OF NON-RUSSIAN PEOPLES N. I. ILMINSKY

To the 200th anniversary of the birth of the great teacher

Abstract. Enlightenment is an important part of the history of education. The purpose of the article is to comprehensively reveal the activities and personality of the great educator of non-Russian peoples of the second half of the XIX century Nikolai Ivanovich Ilminsky, who developed a system of teaching non-Russian children. Its main components were teaching first in their native language with a gradual transition to Russian, the opening of national schools, the training of teachers from among non-

Russians, and the publication of appropriate methodological literature. Ilminsky prepared a whole galaxy of national intelligentsia, initiated the opening of schools designed for representatives of the Middle Volga peoples. The scientific novelty of the research lies in the analysis of Ilminsky's methodological views, which received fruitful development in the following decades. The main conclusion of the study is that the methodological heritage of Ilminsky needs further study with a view to practical application in modern conditions.

Keywords: The Russian Empire, the enlightenment of non-Russian peoples, the Brotherhood in the name of St. Gurius, N. I. Ilminsky and his system of educating children of the Middle Volga peoples, V. T. Timofeev.

Введение. Реформаторские усилия российского императора Александра II, нашедшие свое наглядное проявление в крестьянской (1861) и земской (1864) реформах, получивших в истории России наименование *Великих*, вызвали к жизни мощные социальные силы, обеспечившие в стране бурное развитие капитализма. Эти перемены в социальном устройстве Российского государства, в свою очередь, выявили настоятельную необходимость получения хотя бы начального образования у значительно большей, нежели прежде, части населения страны, в том числе у жителей так называемых «национальных окраин».

(Это официально принятое в историографии выражение, – «национальные окраины», – представляется нам не вполне точным уже потому, что территории компактного расселения нерусских народов находились и находятся до настоящего времени далеко не только на окраинах страны, но и в центральных регионах России).

Именно в России, как в самой полиэтнической стране мира, национальное просветительство и стало своего рода педагогическим феноменом, а национальное просвещение, –

неотъемлемой частью системы образования [Помелов, 2018]. Важнейшей особенностью российского национального просвещения была его самая тесная связь с христианизацией «малых» народов России. Национальные просветители были, как правило, не только педагогами, но и православными священниками; таким образом, просвещение шло одновременно с внедрением в сознание и быт «малых сих» основ христианского вероучения. Начиная со второй половины 1860-х гг., идея необходимости просвещения нерусских народов получила значительное развитие в российской педагогической мысли, что, во многом, стало следствием плодотворной работы, в том числе, и в этой сфере выдающихся русских педагогов, прежде всего, К. Д. Ушинского [Помелов, 2014], П. Г. Редкина [Помелов, 2020], В. И. Водовозова [Помелов, 2019], Д. Д. Семенова [Помелов, 2019], В. П. Вахтерова [Помелов, 2018] и др., а также их последователей в регионах России, таких как А. А. Красев [Помелов, 2021], Н. В. Чехов [Помелов, 2019], Н. Н. Блинов [Помелов, 2017] и др.

Прогрессивная идея образования нерусских народов нашла свое

плодотворное воплощение в теоретической и практической деятельности передовых представителей национального просветительства, таких как Ибрай Алтынсарин, Газарос Агаян, Назар Тер-Гевондян, Яков Семенович Гогебашвили, Михаил Евсевьевич Евсевьев, Козьма Андреевич Андреев, Павел Петрович Глезденёв, Николай Иванович Золотницкий, Василий Константинович Магницкий, Мухлиса Буби, братья Габдулла и Губайдулла Нигматуллины-Бобинские, Важа Пшавела, Рашид-бек Эфендиев, Николай Васильевич Никольский и др. [Помелов, 2013]. Эти, и многие другие, менее известные региональные педагоги, стремились эффективно использовать лучшие достижения русской и прогрессивной зарубежной педагогической мысли, одновременно учитывая национальную специфику языка и менталитета своих народов. Особенно остро проблема образования детей нерусских народов стояла в Среднем Поволжье, являющемся полиэтническим регионом [Помелов, 2018, с. 92]. При этом отметим то важное обстоятельство, что нерусские народы в сравнении с русскими в плане возможности получения образования имели не просто меньше возможностей, а зачастую были просто их лишены полностью.

Поэтому самым временем и потребностями развития народов указанного региона был востребован Просветитель, который бы воплощал в себе в равной степени качества учебного-теоретика и учителя-практика, неустанного администратора и опытного политика. Это должен был быть человек, способный вести разговор с высокопоставленными чиновниками

и добиваться нужного решения в интересах крестьян и рабочих, веками забытых, необразованных и фактически лишенных права на достойную жизнь, во многом именно по причине отсутствия у них должного образования.

Такой выдающейся и разносторонней личностью вошел в историю отечественного образования Николай Иванович Ильминский, российский патриот, просветитель и ученый. Главная его заслуга заключалась в том, что предложенная им система просвещения «инородцев», получившая его имя, объединила разрозненные усилия вышеназванных и многих других национальных педагогов, и это позволило перейти к достаточно широкому, – насколько это было возможно в тогдашних условиях, – внедрению школьного обучения нерусского населения.

Н. И. Ильминский

Материалы и методы. Ведущими методами нашего исследования выступает анализ научной, публицистической литературы, биографический и исторический методы, а также региональный и аксиологический подход, открывающие возможность выявить самое ценное в предмете исследования. Используются материалы ведущих научных отечественных и зарубежных изданий; среди них «Педагогика», «Перспек-

тивы науки и образования», «Вопросы педагогики», «Педагогика. Вопросы теории и практики», «Начальная школа», «Ярославский педагогический вестник», «Вестник Вятского государственного университета», «Journal of Research in Rural Education», «The History of Education & Children's Literature», работы российских и зарубежных исследователей в области истории педагогики и образования, в частности, А. И. Анастасиева, П. Домокаша, Н. И. Ильминского, С. В. Чичериной и др.

Результаты.

Проблема исследования просвещения «малых» народов и этнических групп населения занимает заметное место в международных и отечественных историко-педагогических публикациях. Авторы раскрывают в своих исследованиях различные аспекты этой проблемы. Особенно большое внимание уделяется вопросу приобщения учащихся к иной социальной, культурной и языковой обстановке в ситуации добровольной или вынужденной смены жительства, как это имело место, например, с детьми испанских республиканцев, перемещенных в СССР в 1930-е гг. [Volkova, 2019]. Иммигрантский «мотив» в свете современных общественно-политических тенденций выглядит весьма актуально в компаративистских историко-педагогических работах. Зарубежные авторы посвящают свои исследования таким вопросам как обучение итальянских эмигрантов в Бразилии [Rech, 2019], сравнительный анализ обучения турецкому языку немцев в Стамбуле и Берлине [Toruzkanamış, 2019], образование в Вене в XIX в.

хорватских студентов [Švoger, 2019] и клириков [Klieber, 2020], а также отпрысков благородных семейств в интернатных школах ордена иезуитов в Полоцке в 1772-1820 гг. [Kochanowicz, 2020]. Во всех этих, и в целом ряде других работ, национальное просвещение и просветительство признается важной составляющей частью образования. Просветительство призвано даже, по мнению некоторых ученых, содействовать созданию нового славянского мира [Kasper, 2021]. Важное значение исследователями просветительства придается раскрытию личностей выдающихся просветителей, таких, например, как Вятский епископ Лаврентий Горка [Pomelov, 2020], Стефан Пермский и Трифон Вятский [Pomelov, 2021] и др.

Большое внимание зарубежными исследователями уделяется характеристике национального просветительства с позиций сегодняшнего дня. Оно рассматривается сквозь призму формирования идентичности учителя в поликультурной сельской школе [Wenger, 2017]. Американские исследователи считают важнейшими проявлениями этнического просветительства поддержку жизненно важных устремлений учащихся средней школы из числа национальных меньшинств в рамках программы лидерства [Means, 2019], поддержку выпускников университетов, планирующих жить в резервации после колледжа среди студентов – американских индейцев [Huffman, 2011]. В то же время, нередко подготовленные молодые специалисты не желают работать в сельской, и тем более, в полиэтнической школе, заявляя, что

они де *метроцентричны* [Campbell, 2011]. Впрочем, эта проблема имеет глобальный характер.

В последние два десятилетия вышел ряд работ, раскрывающих различные стороны национального просвещения и просветительства во второй половине XIX в. в средневожском регионе. К ним относятся исследования И. А. Анохиной [Анохина, 2009], И. В. Алметевой [Алметева, 2003], А. Ш. Айзатулловой [Айзатуллова, 2010], И. И. Мотыки [Мотыка, 2002], К. П. Портнова [Портнов, 2008] и др. В этих, и целом ряде других исследований, упоминается имя Н. И. Ильминского как великого просветителя нерусских народов России. Обратимся к его биографии и анализу теоретической и практической деятельности.

Выдающийся ученый-ориенталист Н. И. Ильминский родился 23 апреля (5 мая) 1822 г. в г. Пензе, в семье священника (протоиерея). Учился он сначала в Пензенской семинарии, затем, в 1842–1846 гг., – на физико-математическом отделении Казанской духовной академии.

В юности Ильминский проявил большие лингвистические способности и по окончании учебы был оставлен в академии преподавателем арабского и татарского языков. По направлению академии, в течение трех лет, в 1851–1854 гг., он изучал ислам и арабский язык, находясь в научной командировке на Ближнем Востоке (Египет, Палестина, Сирия) [Помелов, 2018, с. 102].

Профессор Ильминский был крупнейшим ученым своего времени, членом-корреспондентом Российской Императорской академии наук

(с 1870 г.), большим эрудитом, полиглотом. По свидетельствам современников он знал 28 языков. В их число входили языки практически всех так называемых «малых» народов, центральной России. С 1854 г. он преподавал восточные языки на миссионерском отделении Казанской духовной академии, а также естественнонаучные предметы, историю философии, древнееврейский язык. Затем по несправедливому навету Казанского епископа Афанасия, обвинившего Ильминского в пристрастии к исламу и его пропаганде, он уходит из академии, и ряд лет работает в Оренбургской пограничной комиссии.

Здесь Николай Иванович знакомится со некоторыми, ранее ему неизвестными, языками, в частности с киргизским и туркменским. Но фактически это была работа на таможне в качестве переводчика. Такое положение не устраивало Н. И. Ильминского, тяготевшего к научной и преподавательской работе. Он налаживает отношения с ведущими учеными-лингвистами Казанской губернии и в 1862 г. он возглавляет арабско-турецкую кафедру в Казанском университете. С 1872 г. он занимает должность директора в только что открытой в Казани первой в России инородческой учительской семинарии.

Во второй половине XIX в. в русской православной педагогике и практическом просветительстве значительно усилилось миссионерское направление, которое различными своими составляющими опиралось на христианское вероучение и поли-

тику самодержавия. Н. И. Ильминский принял самое активное участие в этом деле. Он был одним из основателей миссионерского Братства во имя Святителя Гурия, открывшегося в Казани в 1867 г. Более того, он возглавил переводческую комиссию Братства. Комиссия занималась переводами на языки средневожских «инородцев» разного рода литературы, прежде всего, разумеется, церковной. Здесь Николай Иванович проявил себя как ведущий переводчик книг на татарский, чувашский, мари́йский и удмуртский языки. В 1870-е гг. он перевел на кряшенский язык Псалтырь, который он, кстати, знал наизусть.

В переводах на татарский язык Ильминский отказался от использования татарского книжного языка с арабской графикой, как совершенно непонятной деревенским жителям. Книги Священного Писания он «перелагал» на *разговорный* кряшенский диалект, используя при этом *русский* алфавит. Его помощником и сотрудником в практическом внедрении этого диалекта стал православный священник Василий Тимофеевич Тимофеев (1836-1895), крещеный татарин, искренне желавший помочь делу просвещения своего родного народа.

В. Т. Тимофеев

В первые годы своей научной и преподавательской деятельности Н. И. Ильминский активно участвовал в обсуждении проблем миссионерства, усиленно работал над переводами Священного Писания на татарский язык. Он не ограничивался кабинетной работой, а стремился к изучению татарского языка «из первых уст». Для этого он даже одно время жил в татарской слободе и посещал занятия в медресе.

По поручению архиепископа Казанского Григория (Постникова) он без усталости ездил по татарским и башкирским селам. Такие поездки давали ему много нового: он расширял свои филологические познания, узнавал ценные этнографические сведения. В этих утомительных и, как правило, многодневных поездках он постоянно сталкивался с тем бедственным положением, в котором находилось просвещение у представителей нерусских народов, проживавших на территории Казанской губернии. Его общительный характер, знание языков и способность притягивать людей располагали к нему даже обычно недоверчивых к чужакам деревенских жителей. В ходе живого общения у него рождались мысли о том, каким образом можно бы было наиболее эффективно обеспечить просвещение и христианизацию детей средневожских народов.

Как раз в период его активной деятельности значительно усилилось миссионерское направление в просвещении, имевшее своими основаниями христианское вероучение и политику самодержавия. Коренные народы Среднего Поволжья, — прежде всего чуваша, мари, удмурты

и часть татар, – уже давно считались православными, но будучи оставлены без надлежащего пастырского наставления, нередко были чужды даже внешней стороны христианства. Эти народы во многом все еще оставались языческими. Были случаи, когда новокрещенные татары, чьи родители и ионии сами, были нередко насильственно крещены, целыми деревнями «отпадали» в ислам. Старокрещенные татары (кряшены), то есть крещенные в предшествующий исторический период, а именно нередко еще в XVIII в., были, конечно, менее склонны к переходу в мусульманство, но не были и христианами в полном смысле слова, продолжая придерживаться традиционных языческих верований. (Кряшены носили русские имена и фамилии, а вот обряды и праздники у них были смешанные, – как русские, так и татарские).

Просвещение и христианизация, – эти два процесса у средневожских народов фактически сливались воедино; таким образом, продвижение христианизации способствовало развитию просвещения. Н. И. Ильминский как раз и выстраивал свою систему просвещения, во многом ориентируясь на эту региональную особенность. Он все более убеждался в неэффективности существовавшего в то время способа просвещения, заключавшегося в обучении начинающих учащихся либо на русском языке (в русских школах), либо на арабском языке в исламских начальных школах (мектебах) и в повышенных школах (медресе).

Учащихся этих школ называли, соответственно, шакирдами и талибами, а сами школы по содержанию своей работы подразделялись на кадимистские (старометодные) и джадидистские (новометодные). Первые ориентировались исключительно на изучение Корана и других священных книг, вторые – стремились включать в содержание обучения светские учебные предметы, такие как математика, русская словесность, естествознание, европейские языки.

Между устроителями школ постоянно шла непримиримая вражда. Не способствовало утверждению нерусского населения в православии и явное невнимание общества к школьному образованию их детей. Для удмурта или марийца, желавшего получить элементарное образование, выбор был небольшой, – между татарской мусульманской школой, как правило, кадимистского типа, и русским приходским училищем.

Н. И. Ильминским был разработан оригинальный подход в христианском воспитании и просвещении «инородцев» с использованием их родных языков. Этот подход включал в себя первоначальное обучение на родном языке с одновременным, или несколько более поздним, подключением родных языков учащихся. Свое педагогическое кредо он в краткой форме сформулировал в письме к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву: «Наше оружие – инородческий язык, богослужение на нем, священники и учителя из инородцев» [Православный собеседник, 1911, с. 562].

К. П. Победоносцев

При этом первой задачей школы он считал воспитание в духе преданности престолу, православной церкви и приверженности «родным корням», что полностью соответствовало известной формуле, высказанной министром народного просвещения графом С. С. Уваровым («самодержавие, православие, народность») еще в 1840-х гг.

По Н. И. Ильминскому, преподавание Закона Божия и изучение основополагающих молитв в начальной школе должно было вестись на родном языке «инородцев». В связи с этим предполагалась переводческая и издательская деятельность на инородческих языках. Во многом его усилиями в Казани была создана Переводческая комиссия. Здесь же сосредоточилась и издательская деятельность. Казань выступала в качестве своего рода форпоста инородческого образования по причине имевшихся здесь глубоких просвещенческих традиций, а также в силу того, что этот город был, и остается по сей день, центром проживания самого крупного по численности этноса Поволжья, – татарского народа.

Н. И. Ильминский сформулировал основные положения своей системы: организация начального обучения в школах для детей нерусских

народов на родном языке с постепенным введением двуязычного метода преподавания; создание и издание учебных пособий на родных языках «инородцев»; написание книг на языках «малых» народов; подготовка национального учительства; открытие национальных, в том числе, профессиональных, школ.

Подход Н. И. Ильминского получил общероссийское утверждение 26 марта 1870 г., когда вышли так называемые «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Важнейшим направлением в осуществлении государственной политики в области просвещения нерусских народов являлся, согласно этим «Правилам...», дифференцированный подход правительства в вопросе о характере осуществления просвещения. Все нерусские народы разделялись в своих образовательных правах на три группы.

К первой группе относились «достаточно обруселые» народы (украинцы, белорусы); они должны были обучаться только на русском языке. Ко второй группе относились народы, этнически далекие от русских и давно имевшие свою письменность (грузины, армяне, поляки, латыши и др.). Им разрешалось иметь свои школы, печатать книги и периодические издания.

Для народов третьей группы, – «весьма мало обруселых», к которым, в частности, были отнесены татары, удмурты и марийцы, – предполагалось открытие школ на родном языке по учебникам, напечатанным русскими буквами. Родной язык служил здесь основой в первые два года

обучения, а в дальнейшем оно переводилось на русский язык. В школах, предназначенных для нерусских народов, проживающих в местностях, где много русских, предлагалось вести обучение на русском языке, но учителями, знающими родной язык учащихся [Анастасиев, 1915, с. 128].

Эти правила, несмотря на их очевидно дискриминационный характер, знаменовали собой, тем не менее, значительный этап в развитии образования у народов Поволжья, поскольку их введением правительством указывалось на необходимость открытия инородческих школ в районах проживания «весьма мало обруселых» народов; эта задача ставилась в ранг государственной, а кроме того устанавливалось некоторое подобие образовательных стандартов.

Организация просвещения коренных национальностей на их родных языках должна была особенно активно решаться в тех регионах, где проживали народы, отнесенные к третьей группе, то есть в Вятской, Казанской, Нижегородской и других губерниях Среднего Поволжья. Это создавало предпосылки для развития просвещения удмуртов, марийцев и татар, открытия школ на языках этих народов, формирования национальной учительской интеллигенции, издания соответствующих учебников, и открывало возможности для роста национального самосознания и развития культуры.

Одновременно эта дифференциация выступала, своего рода, дополнительным препятствием для развития просвещения и национальной

самобытности народов, отнесенных к первой и второй группам.

Таким образом, подход Н. И. Ильминского оказался альтернативным в отношении так называемого «обрусительного» направления просвещения «инородцев», сторонники которого предлагали использовать в обучении только русский язык. Н. И. Ильминский тоже говорил об «обрусении», но понимал его не только как знание русского языка, а, прежде всего, как православие. Как отмечали его ученики, «ему нравилось хорошее русское слово, но без духа православия и без православной идеи оно ему не нравилось».

Н. И. Ильминский предполагал, что учителя и священники в инородческих селениях должны быть национальными кадрами, получившими соответствующее образование и являющимися приверженцами русской православной церкви. Следовательно, возникала проблема открытия специальных учебных заведений, как общеобразовательного типа, так и профессиональной направленности.

Однако на практике выходило так, что общеобразовательные школы, такие как центральное удмуртское училище в селе Старый Карлыган Уржумского уезда Вятской губернии, призванное готовить учителей и священников из удмуртского населения, было, прежде всего, общеобразовательным учреждением, поскольку других крупных удмуртских школ просто не было.

Первой школой, работавшей по системе Н. И. Ильминского, стала основанная им Казанская крещено-татарская школа. В 1863 г. на казанской

квартире у В. Тимофеева жили три кряшенских мальчика из его родного села. Он обучал их молитвам на родном языке и читал с ними, составленный Ильминским, кряшенский букварь. В следующем году таких ребят набралось уже два десятка. Так было положено начало школе, которая его стараниями получила официальный статус. Она стала образцом, по которому стали создаваться другие подобные учебные заведения.

Крещение хотя бы части татар, подготовка миссионеров-просветителей и их дальнейшая успешная работа должны были, по мысли правительства, дать сильный толчок к распространению христианства среди других, менее крупных по численности этносов Поволжья, – марийцев, удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян, бесермян, тептярей, чувашей, мордвы.

Ободренный успехом работы своей крещено-татарской школы, учиться в которую приезжали представители нерусских народов со всей России, Н. И. Ильминский открыл в Казани «инородческую» учительскую семинарию, и стал ее первым директором. Но среди ее выпускников с 1872 по 1904 г. было всего 40 удмуртов. Поэтому Н. И. Ильминский стал добиваться открытия первой центральной удмуртской школы. Более всего удмуртов насчитывалось в Вятской губернии, – 440 000 человек. (В настоящее время их численность в Кировской области, историческом преемнике Вятской губернии, составляет 17800 человек).

Вятская губерния на протяжении всей своей истории была одним из самых полиэтнических регионов

Российской империи. Здесь проживало до 85% всех удмуртов, 20% татар, 40% марийцев [Помелов, 2014, с. 34].

Наиболее многочисленным этносом, проживавшим на ее территории, был удмуртский этнос, или вотяки, как их называли до 1932 г. Неудивительно, что миссионеры русской православной церкви проявляли большой интерес к данному этносу.

Важной заслугой Н. И. Ильминского было открытие центральной удмуртской школы в селе Старый Карлыган Уржумского уезда Вятской губернии. «Центральной» ее называли потому, что она считалась образцовой в методическом отношении. Причем *образцовой* не в смысле идеальной, а в том смысле, что она служила своего рода образцом для всех остальных удмуртских школ. И действительно она сыграла очень важную роль в деле приобщения удмуртов к христианской цивилизации и овладении образованием.

Место для школы, выбранное просветителем, территориально составляло своего рода границу между «вотяцкой массой» и «опасными окраинами». Под «опасными окраинами» миссионеры имели в виду соседство с мусульманскими селениями.

Однако Ильминский считал, что самая лучшая, истинно благодатная почва для церковного и светского просвещения именно захолустье, удаленное от промышленных центров. Поэтому он отверг предлагавшиеся для центральной удмуртской школы Сарапул, Елабугу и другие значительные города, славившиеся

своими крупными заводами и купеческой торговлей. Просветитель видел опасность для скромных и тихих удмуртов таких «бойких» центров, и настоял на открытии школы именно в захолустном вятском селе Старый Карлыган, расположенном на значительном удалении от крупных селений.

В письме от 2 октября 1888 г. к Константину Петровичу Победоносцеву он писал: «Само провидение подготовило данные к осуществлению этой школы. Поэтому я убедительнейше просил бы Вас оказать этому делу поддержку по духовному ведомству и в высших правительственных сферах».

Обер-прокурор Святейшего Синода оказал поддержку. Вот почему мы никак не можем согласиться с оценкой современного венгерского историка Петера Домокаша, характеризовавшего Н. И. Ильминского как «друга и верного исполнителя планов известного черносотенца Победоносцева» [Домокаш, 1993, с. 127].

Обсуждение. В данном разделе статьи автору хотелось бы сказать о значимости религии, которая во внутренней и внешней политике многих государств в различные исторические периоды занимала и занимает немаловажное место. Так и Н. И. Ильминский, выдающийся педагог и администратор, придавал своему церковному служению большое значение. Казалось бы, с наступлением эпохи научно-технической революции и постиндустриального общества проблемы религии должны были бы стать предметом лишь исторического изучения.

Однако не вызывает сомнения тот факт, что с каждым годом они становятся все более актуальными. Соответственно вырастает количество научных публикаций, посвященных тем или иным аспектам церковного вероучения, распространения религий, их значимости в повседневной жизни людей. Прикрываясь знаменем той или иной религии, в разных странах свершаются революции и политические перевороты, события, поражающие как своей гуманностью и благородством, так и чудовищностью, и вероломством.

Значимость религиозной идеологии, мировоззрения и практики особенно возрастают в тех государствах, которые относятся к числу полиэтнических и религиозно неоднородных. Россия, несомненно, является одной из таких стран. Влияние религии на современную жизнь носит глобальный, всеохватывающий характер. В этой связи представляется несомненным тот факт, что изучение религиозного наследия прошлого является важной и актуальной задачей современной науки. В этом ряду важное место занимает и педагогика, особенно такая ее составляющая как история педагогики и образования.

История педагогики, особенно региональной, и образования, прежде всего местного, во многом и есть история религии, ибо церковь и ее служители всегда выступали не только как проповедники вероучения, но и как просветители, выступавшие за открытие школ, печатание книг, составление летописей, открытие библиотек и т. д. Само по себе существование многих религий практически

невозможно без грамоты, ибо последняя есть и порождение религии, и опора ее. Миссионерство как деятельность по распространению религиозных взглядов присуща практически всем конфессиям.

Русская православная церковь также активно занималась распространением своего вероучения. Активную поддержку миссионерской деятельности церкви оказывало государство. Это было особенно актуально в России, где процесс внутренней колонизации (взятие Казани, покорение Сибири, Северного Кавказа и Среднеазиатских владений, присоединение Камчатки и Дальнего Востока, Польского и Финляндского царств и т. д.) происходил в течение нескольких столетий.

В Российской империи миссионерство являлось, таким образом, существенным компонентом внутренней политики. Одной из важнейших проблем, имевших место в процессе миссионерской деятельности, была христианизация «иностранцев» (таково было официальное, а по сути оскорбительное, наименование практически всех народов царской России, за исключением великороссов).

Христианские проповедники стремились воздействовать на все стороны духовной и материальной жизни представителей «малых народов» – их мировоззрение, традиции, обычаи, уклад жизни, традиционные занятия и формы отдыха, круг чтения и т. д. Эта деятельность имела в своей основе отчасти позитивный, но порой и отрицательный характер. Несомненно одно: научное изучение деятельности русской православной

церкви, ее миссионерской и просветительской деятельности является важной задачей науки, и в частности истории педагогики.

В свете вышеизложенного, деятельность Н. И. Ильминского объективно была направлена на «прочное сближение иностранцев с коренным русским населением путем просвещения». Он признавал «природный иностранческий язык главнейшим и неизбежным средством просвещения иностранцев в духе Христовой веры», отмечал протоиерей А. В. Смирнов в своем докладе на Казанском миссионерском съезде в 1911 г. «Это и понятно, – продолжал А. В. Смирнов, – ибо иностранцу-школьнику, совершенно не понимающему русского языка, нельзя преподавать даже элементарнейших христианских истин на чуждом и непонятном ему языке.

Но при этом Н. И. Ильминский считал иностранческий язык даже не целью, а прежде всего средством просвещения, причем средством временным. «Последнюю и высшую» цель просвещения иностранцев он видел все-таки в том, чтобы все иностранцы слились с «природным русским населением в единый нераздельный народ, сплоченный единством христианской веры, языка, обычаев, духовной культуры» [Православный собеседник, 1911, с. 560].

Н. И. Ильминский был искренне убежден в том, что «мелкие народности» «не могут вступить на путь общекультурного развития, пользуясь только духовным достоянием своей народности, не имеющей ни науки, ни литературы. Для этого они должны приобщиться к культуре русского народа, а это возможно

только через усвоение русского языка, который только и может проторить путь ко всем сокровищам русской культуры» [Православный собеседник, 1911, с. 560]. Тем самым, просветитель стремился приобщить нерусские народы к русской, а через нее и к общечеловеческой культуре, а, с другой стороны, сделать более доступными для русских культурные ценности других народов России.

Подход Н. И. Ильминского базировался на основе живого разговорного народного языка. Родной язык он считал основанием и орудием школьного образования, а главную роль в системе просвещения отводил начальной школе. Преподавание в начальной школе в соответствии с его взглядами велось первые два года исключительно на родном языке; русский язык изучался как учебный предмет. Преподавание на родном языке должно было продолжаться до того времени, когда «малые сии» смогут в достаточной мере овладеть русским языком.

Обучение русскому языку начиналось с разговорных уроков. В 3–4 классах русский становился языком преподавания. Лучшие учителя нерусских народных школ, по Ильминскому, – лица одной национальности с учениками. От русских учителей он требовал знания родного языка учащихся и использования его в учебно-воспитательной работе. Учебники, считал педагог, должны печататься на родном для учащихся языке с использованием русской графики.

Он также стремился приспособить организационную структуру русских школ, формы и методы их

учебной работы к национальным особенностям населения, для чего необходимо создание передвижных школ для кочевых народов, интернаты при школах, образцовые специализированные учебные комнаты.

Для лучших священнослужителей-учителей, таких, например, как известные в свое время вятчане Н. Н. Блинов, И. А. Стефанов и др., работа в области образования всегда была исполнена высокого духовного значения. Н. И. Ильминский стремился направить священников, обладавших, по его мнению, склонностью к педагогической деятельности, на работу с «инородцами».

Ильминский отмечал, что среди них немало таких, кто отверг христианство и вернулся в язычество, но у большинства в душе «таится драгоценное сокровище: искренняя вера в Бога, религиозный страх, неиспорченное сердце, смиренное сознание своей духовной нищеты. Инородческое население – это, можно сказать, залежь, добрая почва, над которой стоит потрудиться в верной надежде на обильный плод» [Воскресенский, 1913, с. 14].

Н. И. Ильминский убеждал тех священников-учителей, которые предлагали начинать обучение «инородцев» непосредственно с русского языка. Такой точки зрения придерживался протоиерей села Бурундуки Буинского уезда Симбирской губернии Алексей Иванович Баратынский, который одновременно был председателем Буинского отделения училищного губернского совета и принимал деятельное участие в «литературной»

(то есть научно-методической) разработке вопроса об образовании «инородцев».

Свои взгляды по данному вопросу он высказывал, в частности, в «Сборнике документов и статей по вопросу об образовании инородцев» (Казань, 1869). Н. И. Ильминскому потребовалось немало усилий, чтобы переубедить А. И. Баратынского и других сторонников подобной точки зрения. Баратынский окончательно согласился с Ильминским, получив от него письмо от 19–22 октября. 1870 г., опубликованное полностью в материале «Доклады на Казанском миссионерском съезде» [Ильминский, 1911].

Основной принцип педагогического подхода Н. И. Ильминского состоял, как уже отмечалось, в обучении «инородцев» через понятный им родной язык. В то же время, он справедливо указывал: «Единственным и верным проводником идей в самую глубину сознания, в особенности на первых порах, служит родной язык. Русский язык для инородцев, сколько вы его не учите и какие продолжительные курсы не назначайте для этого, всегда останется для него чем-то внешним» [Помелов, 2013, с. 192].

Он предлагал конкретные меры для достижения лучших результатов в обучении. Так, для «большей живости» им предлагалось «не писать сначала по-русски, а потом переводить, а сразу писать на инородческом языке» [Ильминский, 1904, с. 332].

Ильминский с горечью отмечал недостатки в деле религиозного и светского образования среди «инородцев» Поволжья и Прикамья, следствием которых является то, что в

итоге «инородческое население, даже крещеное, не знает, не понимает христианской веры, представляя ее в виде своего рода шаманства, да и вообще его религиозные понятия крайне скудны, ограничиваясь кое-какими суеверными обрядами, наследованными от глубокой старины» [Ильминский, 1904, с. 334].

Переход на русский алфавит ускорил процесс вхождения этих народов в российскую культурно-образовательную среду. Применение в обучении разговорных татарского, башкирского, казахского и других национальных языков способствовало развитию национальных литературных языков и созданию учебной, детской и церковной литературы на этих языках.

Благородные начинания просветителя, его учеников и последователей были нацелены не только на миссионерские, но и общечеловеческие, светские цели. Однако отечественные историки советского периода клеймили деяния Ильминского, характеризуя их как «политику национального угнетения и русификации».

В «Очерках истории Удмуртской АССР» даются такие оценки деятельности Ильминского: «В Удмуртии русификаторская политика царизма в пореформенное время особенно наглядно проявилась в т. н. «просветительной» системе Н. И. Ильминского и в «Мултанском деле»; «крайний монархист Ильминский разработал и начал практически внедрять новый метод обрусения нерусского населения»; «Русификаторскую систему «просвещения» Ильминского поддержала реакционная

часть национальной интеллигенции» [Очерки истории Удмуртской АССР, 1958, с. 177–179].

И лишь на излете советского строя в печати стали появляться осторожные положительные оценки деятельности выдающегося просветителя. Так, авторы «Истории удмуртской советской литературы» [История удмуртской советской литературы, т. 1, 1988, с. 23] отмечают, что «педагогическая система Ильминского принесла немало пользы в развитии культуры удмуртов», но тут же, «на всякий случай», эта система клеймится за «реакционную устремленность».

Некоторые историки педагоги советского периода прямо таки соревновались в критике Н. И. Ильминского за то, что он якобы выражал в повседневной практике и в педагогических сочинениях верноподданнические взгляды и подчеркивал свою преданность правительственным установкам.

Попробовали бы они сами в советские времена в печати критиковать социалистический строй и подвергать сомнению верность «магистральной линии КПСС»!

Так, неизменно подчеркивалось, что Н. И. Ильминский считал возможным уделять больше внимания не обучению, а воспитанию детей, причем воспитанию религиозному. Но он и не скрывал этого, а прямо указывал, что школа должна обратить внимание, прежде всего, на утверждение религиозных и нравственных понятий учащихся и затем, лишь по выполнении этой первой и важнейшей задачи, стремиться к общению полезных знаний.

Еще одно обострение нападков на систему Н. И. Ильминского пришлось на время, когда ее создателя уже давно не было в живых. Черносотенная газета Казанский телеграф в номере от 2 февраля 1914 г. писала: «Ильминский подменил русское православие инородческим. Православие вне русской культуры и цивилизации немыслимо. «Употребление инородческих языков из средства сближения мелких тюркских и финских племен с русским народом превратилось в самоцель», «Под видом применения системы Ильминского совершается открытое поощрение русофобских стремлений и инородческого сепаратизма».

В общем, поскольку Ильминский не мог ответить своим оппонентам, «можно было смело» критиковать его. Примечательно, что все критики Ильминского исходили исключительно из политических и связанных с ними соображений, и никто не оказывался в состоянии предложить хоть что-то конструктивное, что шло бы вразрез с его системой в организационном и методическом плане.

Оппоненты Н. И. Ильминского признавали целостность и законченность его школьно-просветительских взглядов. Как отмечал вятский краевед Д. К. Зеленин в статье «Ильминский и просвещение» (1902), «противники его (в печати их немного, в жизни – больше) сами не имеют, в сущности, решительно никакой программы и исходят лишь из отрицания некоторых пунктов отвергаемой ими системы Н. И. Ильминского» [Мотыка, 2002, с. 1].

Причины для дискуссии, действительно, были, хотя система

Н. И. Ильминского сложилась не на пустом месте, а в результате длительного, скрупулезного анализа значительного ее автором просветительно-педагогического опыта, накопившегося в ряде полиэтнических стран, но, прежде всего, разумеется, в России, а также в процессе собственной практической деятельности Николая Ивановича по организации образовательных учреждений.

В мае 1917 г. в Казани прошел первый в истории России съезд народов Поволжья и Прикамья. Коми-зыряне, коми-пермяки, чуваша, мари-цы, удмурты, калмыки, мордва-эрзя, мордва-мокша, кряшены, собравшись в здании университета в количестве более 500 делегатов, выразили свое отношение к христианскому просвещению. Удмуртская, чувашская и кряшенская секции съезда признали обязательным преподавание Закона Божия в школах. Другие секции были осторожнее в данном вопросе. Общая резолюция съезда гласила: «Преподавание религии должно быть обеспечено. Но посещение не обязательно». Один из делегатов в процессе выработки этого решения заявил: «Ведь мы лишили инородца своей родной религии, затем мы постановлением отделим инородца и от Христианской религии. Не сделается ли наш инородец извергом от таких быстрых перемен? Не противоречит ли это основным идеям Н. И. Ильминского?».

Н. И. Ильминский был представителем передовой русской интеллигенции. Он любил своих «инородцев». Но в российском обществе постепенно вызревали черносотенные

силы. С сентября 1903 г. новое руководство Казанского учебного округа стало вытеснять «инородческие» языки из употребления в подведомственных школах, а спустя два года кое-где уже висели объявления «Запрещено говорить по-вотски», отмечала этнограф С. В. Чичерина, кстати, сестра видного партийного деятеля Г. В. Чичерина [Чичерина, 1905, с. 211].

«Черносотенец» К. П. Победоносцев оставил точную оценку деятельности Н. И. Ильминского: «Не без борьбы... достигал Ильминский осуществления своей мысли. Многие восставали против нее, возражая против школьного обучения и богослужения на инородческих языках. Но Ильминский упорно отстаивал свою мысль, ибо она согласовывалась вполне с апостольским заветом — учить вере каждое племя на языке его, и являлось единственно возможным средством для просвещения инородцев... К счастью, в этой мысли нашел он себе поддержку в министре народного просвещения... Не раз случилось мне говорить покойному гр. Толстому (Д. А. Толстой, министр народного просвещения в 1864–1880 гг. — В. П.), что самое плодотворное дело и самая важная его заслуга перед Россией состоит в том, что он уразумел и поддержал Н. И. Ильминского... Это был поистине учитель в высшем значении слова, светильник, от которого многие огни загорались ясным светом. Ученики его во множестве разошлись, им наученные и направленные, по Дальнему Востоку учителями, священниками, диаконами инородческих местностей; из

глубины пустынь оренбургских, иркутских, алтайских, якутских отзывались сочувственно голоса на зов его, к нему обращались за советом и одушевлением – не именитые, не знатные, не богатые, но те – «малые и простые», кои работают по темным углам, проливая свет посреди мрака, холода и неведения... Сущие простецы инородцы несли к нему свои бытовые нужды – и не раз в простых нуждах, мимо коих другой прошел бы с пренебрежением, отстаивал он их и помогал им ходатайствами своими в губернии и столице.

Другой такой ясной и чистой души не приходилось мне встречать в жизни: отрадно было смотреть в глубокие, добрые и умные глаза его, светившие в душу внутренним светом. Беседа его была ни с чем не сравненная, всегда с солью, всегда в простоте, чуждой всякой аффектации, но исполненной поэтических образом... Сколько было в его рассказах того тихого, доброго юмора, без которого редко обходится добрая русская душа. Несравненная простота души давала ему способность сблизиться одинаково с людьми всякого общественного положения, и самым простым и бедным он был столь же легок и приятен, как начальственным и знатым. Притом никогда и ни в чем не слышалось в нем ничего похожего на какую-либо претензию: все достоинство простоты соединялось в нем со всею ее скромностью...» [Толстихина, 1996].

Многими «инородцами» он воспринимался как святой. Один из современников вспоминал об отношении воспитанников Ильминского к своему наставнику: «Найдите среди

его учеников хоть одного, у которого при воспоминании о нем не блестели бы глаза, не навертывались бы радостные слезы. Что их так связывает? Его горячая, беззаветная любовь к ним, к их языку, к их младенческим верованиям. А сколько самоотверженных, энергичных работников на ниве Божией – священников, учителей вышло из школы Н. И. Ильминского!» [Вятские епархиальные ведомости, 1909, с. 221].

Не только питомцы школ, открытых Ильминским, но и их дети и внуки называли его святым апостолом, и возносили ему свои «инородческие» православные молитвы. Об этом было торжественно заявлено в мае 1905 г. при открытии в г. Санкт-Петербурге «Особого Совещания по вопросам образования восточных народов».

Председатель Совещания, член совета министров А. С. Будилович отметил связь идей Н. И. Ильминского «с первоначальной славянской школою св. Кирилла – философа и ее позднейшими отражениями в деятельности св. Стефана Пермского, Гурия и Варсонофия Казанских с одной стороны, и с началами «естественной педагогики» Яна Коменского с другой» [Труды Особого Совещания..., 1905, с. 6].

Был в жизни выдающегося просветителя и такой эпизод. В 1887 г. по просьбе выдающегося просветителя Ивана Яковлевича Яковлева он пытался помочь находившемуся под следствием Александру Ульянову. Ильминский хорошо знал семью скончавшегося годом ранее Ильи Николаевича Ульянова. Письмо Яковлева Ильминскому в Казань отвез

Володя Ульянов. Он был сочувственно встречен Николаем Ивановичем и даже некоторое время жил у него, пока в Казань не приехала его мать – Мария Александровна Ульянова вместе с младшими детьми. Ильминский не только поддержал ходатайство об освобождении Александра, – правда, оно оказалось безуспешным, – но и оказал помощь Владимиру Ульянову в поступлении в Казанский университет [Помелов, 2018, с. 52.].

Н. И. Ильминский умер (от рака желудка) 27 декабря 1891 г. (8 января 1892 г) в г. Казани, где и похоронен на Арском кладбище возле кладбищенской церкви, рядом с могилой первого просветителя Казани Святителя Гурия. Могила Н. И. Ильминского сохранилась.

Выводы. Научная новизна исследования заключается в содержательном анализе аксиологических и методических воззрений Н. И. Ильминского, которые получили свое плодотворное развитие в последующие десятилетия, в том числе в современной России, прежде всего, в полиэтнических регионах.

Цель статьи, заключающаяся во всестороннем раскрытии деятельности и личности Ильминского, таким образом, достигнута. Основной вывод исследования состоит в том, что методическое наследие великого русского педагога Н. И. Ильминского нуждается в дальнейшем изучении с целью практического применения в современных условиях реформирования отечественной школьной системы, а сама личность великого просветителя и интернациона-

листа вполне могла бы служить аксиологическим образцом и примером для подрастающего поколения российской молодежи. Взгляды Ильминского актуальны, прежде всего, в полиэтнических российских регионах.

Православные проповедники, к числу которых принадлежал Н. И. Ильминский, стремились воздействовать на все стороны духовной и материальной жизни представителей «малых народов», а именно на их мировоззрение, традиции, обычаи, уклад жизни, традиционные занятия и формы отдыха, круг чтения и т. д.

Эта деятельность имела в своей основе, в целом, позитивный характер. Представляется несомненным, что научное изучение деятельности русской православной церкви, ее миссионерской и просветительской деятельности, деяний ее лучших представителей является важной задачей науки, и, в частности, истории педагогики и образования, и, прежде всего, такой ее части как историко-педагогическая регионалистика.

Просветительские идеи Н. И. Ильминского в наше время получили новые стимулы к использованию в современном отечественном образовании в связи с развитием национальной школы и усилением этнического фактора во всех сферах жизни российского общества, в том числе и в сфере просвещения.

Личность же самого Н. И. Ильминского служит примером преданной службы интересам общества. Не случайно, автор данной статьи включил его в число героев своей книги «100 великих педагогов» [Помелов, 2018].

Список литературы

1. Айзатуллова, А. Ш. Организация государственно-религиозного просвещения населения Российской империи во второй половине XIX–начале XX в.: на материалах Среднего Поволжья : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Айзатуллова Алсу Шамилевна ; Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева. – Саранск, 2010. – 225 с. – Текст : непосредственный.
2. Алметева, И. В. Начальное школьное образование в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Алметева Ирина Витальевна ; Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2003. – 314 с. – Текст : непосредственный.
3. Анастасиев, А. И. Народная школа / А. И. Анастасиев. – В 2 томах. – Т. 1. – Санкт-Петербург. – 1915. – 320 с. – Текст : непосредственный.
4. Анохина, И. А. Просвещение нерусских народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Анохина Ирина Анатольевна ; Самарский государственный университет. – Самара, 2009. – 216 с. – Текст : непосредственный.
5. Воскресенский, А. А. Система Н. И. Ильминского в ряду других мероприятий к просвещению инородцев / А. А. Воскресенский. – Текст : непосредственный // О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе: к 50-летию системы и школы. – Казань, 1913. – 202 с.
6. Домокаш, П. Формирование литератур малых уральских народов / П. Домокаш. – Йошкар-Ола, 1993. – 270 с. – Текст : непосредственный.
7. Зеленин, Д. К. Ильминский и просвещение / Д. К. Зеленин. – Санкт-Петербург, 1902. – 120 с. – Текст : непосредственный.
8. Мотыка, И. И. Миссионерско-просветительская деятельность Русской православной церкви среди мордвы во второй половине XVI – начала XX века специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Мотыка Илья Игоревич ; Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева. – Саранск, 2002. – 200 с. – Текст : непосредственный.
9. Ильминский, Н. И. Доклады на Казанском миссионерском съезде / Н. И. Ильминский. – Текст : непосредственный // Православный собеседник. – 1911. – № 4. – С. 562–565.
10. Ильминский, Н. И. Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках / Н. И. Ильминский. – Текст : непо-

средственный // Вятские епархиальные ведомости. – 1904. – № 6. – С. 332–334.

11. Инородческие школы по системе Н. И. Ильминского : доклады на Казанском миссионерском съезде / Без указания авторов. – Текст : непосредственный // Православный собеседник. – Казань, 1911. – № 4. – С. 560–570.

12. История удмуртской советской литературы : в 2 томах / Редкол. : отв. ред. В. М. Ванюшев [и др.]. – Устинов, Удмуртия, 1987. – Т. 1. – 249 с. – 1988. – Т. 2. – 329 с. – Текст : непосредственный.

13. Очерки истории Удмуртской АССР : в 2 томах / Ред. коллегия: Б. С. Вихарев [и др.]. – Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1958. – Т. 1 – 420 с. – 1962. – Т. 2. – 388 с. – Текст : непосредственный.

14. Памяти Н. И. Ильминского – Текст : непосредственный // Вятские епархиальные ведомости. – 1909. – № 9. – С. 221.

15. Помелов, В. Б. В. И. Водозовов : «Польза общественная всегда будет моим девизом» / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2019. – № 6. – С. 97–105.

16. Помелов, В. Б. Видный российский педагог А. А. Красев (1844–1921) / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2021. – № 2. – С. 89–101.

17. Помелов, В. Б. Видный российский педагог В. П. Вахтеров (К 165-летию со дня рождения) / В. Б. Помелов // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 1. – С. 103–109.

18. Помелов, В. Б. Выдающийся просветитель нерусских народов Среднего Поволжья С. А. Нурминский / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Вопросы педагогики. – 2018. – № 9. – С. 92–95.

19. Помелов, В. Б. Д. Д. Семёнов – друг и последователь К. Д. Ушинского / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2019. – № 6. – С. 113–119.

20. Помелов, В. Б. Дорогое и любимое имя – К. Д. Ушинский / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Начальная школа. – 2014. – № 3. – С. 4–11.

21. Помелов, В. Б. История Вятского образования: XIV–XXI вв. : монография / В. Б. Помелов. – Киров. – 2013. – 60 с. – Текст : непосредственный.

22. Помелов, В. Б. Н. В. Чехов – видный российский педагог, просветитель и организатор народного образования / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 4. – Выпуск 2. – С. 13–20.

23. Помелов, В. Б. Н. И. Ильминский : «Апостол просвещения» средневожских народов / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2018. – № 2. – С. 102–108.

24. Помелов, В. Б. Н. Н. Блинов – видный вятский ученый-методист / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2. – С. 65–68.

25. Помелов, В. Б. П. Г. Редкин – основоположник русской теоретической педагогики / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Вестник

Вятского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 170–179.

26. Помелов, В. Б., Просветительство как педагогический феномен / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 2. – С. 26–31.

27. Помелов, В. Б. Просветительство русской православной церкви в российской провинции (на примере Вятской губернии) : монография / В. Б. Помелов. – Saarbrücken. – «Lap Lambert». – 2013. – 612 с. – Текст : непосредственный.

28. Помелов, В. Б. Просветитель удмуртского народа К. А. Андреев / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Этнокультурное развитие народов Приволжья и исторические традиции межнационального согласия Волго-Вятского региона: мат-лы межрег. научно-практ. конф. : отв. ред. Л. Г. Сахарова. – Киров. – «Вятка». – 2014. – С. 30–36.

29. Помелов, В. Б. Просвещение нерусских народов Вятского края (XIX – начало XX вв.) : монография / В. Б. Помелов. – Киров. – «ВятГУ». – 2018. – 219 с. – Текст : непосредственный.

30. Помелов, В. Б. 100 великих педагогов / В. Б. Помелов. – М. : «Вече». – 2018. – 416 с. – Текст : непосредственный.

31. Портнов, К. П. Просветительская и педагогическая деятельность Н. В. Никольского ; специальность 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Портнов Константин Петрович

; Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева. – Чебоксары, 2008. – 233 с. – Текст : непосредственный.

32. Толстихина, А. С букварем и Евангелием А. Толстихина. – Текст : непосредственный // Первое сентября. – 1996. – 12 сентября.

33. Труды Особого Сопровождающего по вопросам образования восточных инородцев. – Текст : непосредственный. – Санкт-Петербург. – 1905. – 120 с.

34. Чичерина, С. В. У приволжских инородцев / С. В. Чичерина. – Санкт-Петербург. – 1905. – 260 с. – Текст : непосредственный.

35. Campbell, A. M. «Want to be a country teacher? No, I am too metro-centric» / A. M. Campbell, G. C. R. Yates // Journal of Research in Rural Education. – 2011. – № 26 (4). – Pp. 1–12. – Текст : непосредственный.

36. Huffman, T. Plans to live on a reservation following college among American Indian students: An examination of transculturation theory / T. Huffman // Journal of Research in Rural Education. – 2011. – № 26 (3). – Pp. 1–13. – Текст : непосредственный.

37. Kasper, T. Creating the new (Slavic) world through education. A comparison of the educational discussions between the Slovenes and the Czechs / Tomáš Kasper, Edvard Protner // History of Education & Children's Literature. – 2021. – № 1. – Pp. 41–63. – Текст : непосредственный.

38. Klieber, R. Croatian clerics studying at the Frintaneum Imperial Institute and the University of Vienna 1816 to 1918 / Rupert Klieber // His-

tory of Education & Children's Literature. – 2020. – № 1. – Pp. 225–242. – Текст : непосредственный.

39. Kochanowicz, J. Education in Jesuit boarding schools for nobles in Połock (1772-1820) / Jerzy Kochanowicz, Beata Topij-Stempińska // History of Education & Children's Literature. – 2020. – № 2. – Pp. 541–561. – Текст : непосредственный.

40. Means, D. Crucial support, vital aspirations: The college and career aspirations of rural Black and Latin middle school students in a community- and youth-based leadership program / D. Means // Journal of Research in Rural Education. – 2019. – № 35 (1). – Pp. 1–14. – Текст : непосредственный.

41. Pomelov, V. B. The activities of outstanding educators Stefan of Perm and Trifon of Vyatka on the development of education of the population of the Vyatka-Kama region / V. B. Pomelov // Perspectives of Science and Education. – 2021. – № 51 (3). – Pp. 439–450. – Текст : непосредственный.

42. Pomelov, V. B. The activities of the educators in Russia in the first half of the XVIII-th century / V. B. Pomelov // Perspectives of Science and Education. – 2020. – № 45 (3). Pp. 412–425. – Текст : непосредственный.

43. Rech, G. L. Schooling of Italian immigrants in Porto Alegre / RS

(1928-1938) / Gelson Leonardo Rech, Alberto Barausse // History of Education & Children's Literature. – 2019. – № 2. – Pp. 527–557. – Текст : непосредственный.

44. Švoger, V. Students from the small country in the big city: Croatians studying in Vienna in the nineteenth century / Vlasta Švoger // History of Education & Children's Literature. – 2020. – №1. – Pp. 207–224. – Текст : непосредственный.

45. Topuzkanamış, E. Teaching türkish to Germans in 1910s in Istanbul and Berlin: Bolland's Book Türkisches Lesebuch für Deutsche / Ersoy Topuzkanamış // History of Education & Children's Literature. – 2019. № 2. – Pp. 585-602. – Текст : непосредственный.

46. Volkova, I. V. «Meeting Spain» and lessons the Soviet front-line generation learned from the 1936-1939 Spanish Civil War / Irina V. Volkova // History of Education & Children's Literature. – 2019. – № 2. – Pp. 637–659. – Текст : непосредственный.

47. Wenger, K. J. Teacher identity in a multicultural rural school: Lessons learned at Vista Charter / K. J. Wenger, J. Dinsmore, A. Villagómez // Journal of Research in Rural Education. – 2012. – № 27 (5). – Pp. 3–17. – Текст : непосредственный.